

Екатерина Дорофеева

16+

ТЕБЯ ЗОВУТ МАКС

Екатерина Дорофеева

Тебя зовут Макс

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Дорофеева Е.

Тебя зовут Макс / Е. Дорофеева — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07938-0

Потеря памяти, которая случилась с главным героем книги «Тебя зовут Макс» — это еще не самое страшное, что могло с ним произойти. Он становится главным подозреваемым в деле о похищении малолетнего ребенка. Все улики указывают на его причастность, но он ничего не помнит. Есть только несколько человек, которые верят в непричастность главного героя. Виновен ли Макс и тот ли он, за кого себя выдает?..

ISBN 978-5-532-07938-0

© Дорофеева Е., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Екатерина Дорофеева

Тебя зовут Макс

ГЛАВА 1

Я очнулся в сыром подвале. Точнее, мне тогда так показалось из-за нещадно смрадного запаха, сырости и холода, который пронизывал до костей. Ужасно болела голова. Странно, но в первые секунды я даже не задумался о том, почему я здесь. Глаза открывать не хотелось: то ли от невыносимой головной боли, то ли от внутреннего страха все вспомнить. Не знаю, сколько я так пролежал – минуту, две или целую вечность, но нужно было что-то делать. Сделав над собой усилие, я заставил себя открыть один глаз. Второй глаз открываться категорически не желал: ресницы слиплись так сильно, что казалось, кто-то приклеил их на качественный двусторонний скотч к лицу. Один мой глаз пытался разглядеть окружающую обстановку. Однако вокруг было темно от слова «абсолютно». Может я ослеп? И что, черт возьми, произошло?

Руки мои оказались связанными, но лишь формально, потому что, чуть пошевелив ими, мне удалось высвободиться из петли. Все это переставало быть забавным. Нужно было выбираться отсюда... Между тем, тьма вокруг меня начала рассеиваться, да и второй глаз удалось слегка приоткрыть. Это действительно был старый подвал, чувства не обманули. Я почему-то подумал, что чувства никогда меня не обманывали. Такое понимание пришло из ниоткуда. Для меня это показалось настолько обыденным, что даже не заставило запустить мозг в развитии мыслительного процесса, направленного на поиск первоисточника этого утверждения.

В звенящей тишине неожиданно послышались тяжелые шаги. Казалось, что они приближались к месту моего заключения целую вечность. Вот лестница... Четыре... Нет, пять ступеней. Поворот ключа в металлической двери заставил вздрогнуть и задержать дыхание. Я интуитивно решил не проявлять признаков своего пробуждения, пока что-либо не выясню. Дверь открылась, и два человека, о чем-то негромко переговариваясь, кинули от порога на пол два увесистых мешка. Дверь снова закрылась, шаги быстро удалялись. Ой, мужик, куда же ты влип? Не нравится мне все это... Ох как не нравится!..

Каждое движение давалось с большим трудом, но любопытство брало верх. Я подполз к мешкам, небрежно брошенным охранниками в мое временное пристанище. Увиденное мной, даже при поверхностном исследовании, было зрелищем не для слабонервных. В тугоперевязанных мешках четко определялись контуры человеческих тел. Кроме этого, и без того смрадный дух подвала, к которому я, впрочем, начал привыкать, наполнился сладковатым, навязчивым запахом спекшейся крови. Мешки были липкими, и я невольно отшатнулся в сторону, застыв на минуту в раздумье, что делать дальше. В этот момент я вдруг осознал, что совсем ничего не помню. В голове было пусто, как в дырявой бочке. Я с ужасом подумал о том, что не знаю, кто я, сколько мне лет, есть ли у меня родители, семья, работа... А может я бомж? Хм... Не хотелось бы относить себя к этой категории свободолюбивых граждан.

За дверью вновь послышались шаги. Я вернулся на свое место и затаился. Однако человек по ту сторону подвальной стены вел себя очень странно, если сравнивать с поведением первых, увиденных мной, охранников. Его походка казалась очень осторожной и даже несколько опасливой. Человек замешкался возле двери в подвал. В какой-то момент мне даже показалось, что он ушел или, что его вообще не было, и звуки шагов создал мой беспокойный мозг. Легкий стук в дверь вернул меня к реальности. Я подполз ближе и ответил таким же дробным стуком.

– Живой! Я уж думал, не оклемаешься, – сирым шепотом начал со мной разговор неожиданный «гость».

– Не дождетесь, – заявил я и понял, что болит не только голова, но и горло, извлекать звуки из которого было невероятно сложно.

– Ха! Шутишь? Это хорошо... Значит правда живой.

– Кто ты?

– Кто я – это тебя волновать не должно. Бьюсь об заклад, что ты даже себя вспомнить не можешь. Слушай меня, если жить хочешь.

– Я тебе должен верить? Не внушаешь ты мне доверия...

– А у тебя выбора нет. Сейчас ты отойдешь на пять шагов и отвернешься. Будешь на меня пялиться – убью. Попробуешь сбежать – тоже убью, понял?

– Да куда уж понятнее...

Я решил не рисковать и отошел на пять шагов. Дверь тихо открылась и через несколько секунд закрылась снова. Шаги быстро удалялись по коридору. На пороге мой таинственный друг оставил кусок хлеба, бутылку воды и клочок бумаги, на котором я едва мог что-то различить. Под дверь из коридора пробивалась тонкая полоска света. Мне пришлось лечь на пол с запиской, чтобы ее прочитать. Корявым почерком было написано следующее: «Меняйся местами с соседом. Через час. Тебя зовут Макс». Хм... Загадок прибавляется. Макс. Это имя мне совершенно ни о чем не говорило, «не надевалось» на мое больное сознание. Поменяться с соседом местами... Это с трупом что ли?.. Делать этого совершенно не хотелось, но и выбраться отсюда другой возможности не было. Мой друг прав. Я быстро съел кусок хлеба, запил его большим глотком воды и начал развязывать ближний ко мне мешок.

ГЛАВА 2

Спустя минут сорок я лежал в мешке, который кое-как перетянул бечевкой через две небольшие дырки. «Если заметят – мне конец», – пронеслось в голове. К моему лицу плотно прилегала ткань, пропитанная чужой кровью. К горлу подкатывала сильная тошнота от нестерпимого запаха и головной боли. Господи, что же я такого натворил, что сейчас вынужден думать, как обмануть старушку-смерть? За дверью слышались знакомые шаги и невнятные захмелевшие голоса, которые периодически взрывались дьявольским хохотом. На этот раз гостей было трое. Дверь распахнулась. Я замер, но сердце предательски колотилось, да так громко, что мне казалось, нет ничего проще, меня обнаружить. Будь, как будет теперь. Если выживу, значит кому-то это нужно, значит, что-то в жизни я еще не доделал, не завершил.

– Эй, старый, посмотри там нашего постояльца. Крепкий гад, третьи сутки недохнет. Из-за него только здесь сидим. Того и гляди, менты с проверкой нагрянут.

Шаркающие осторожные шаги направились в угол, в котором раньше лежал я.

– Готов. Закостенел уже. Давай мешок, запакую его... Тяжелый лось. Дэн, помоги.

– Пойду, свет включу, не видно ни черта, откликнулся третий, вероятно, Дэн.

– Совсем крышу снесло от выпитого??? Менты рядом кружат. Сваливать надо. Пакуем и уходим.

– Не подумал...

– Хозяин потом за тебя подумает пулей тебе в голову. Давай быстрее.

Я ловил каждое слово и совершенно ничего не мог понять. С каждой минутой вопросов становилось только больше. Одно я знал точно: среди этой троицы есть мой друг, который пытается сохранить мне жизнь, возможно путем расставания со своей собственной. Почему? Странно, но этот вопрос заботил меня больше всех остальных. Я понимал, что этот человек, вероятно, чем-то обязан мне. Иначе, как это можно объяснить? Хм... Может я из их маргинальной компании? Да нет. Быть такого не может.

Мои раздумья прервал резкий рывок за ноги. От неожиданности и боли я чуть не вскрикнул. Волоком мой мешок потащили за дверь. Голова билась о бетонный пол, сердце вырывалось из груди, перед глазами спиралью расплывались черные круги. Сейчас я, кажется, потеряю сознание. Может к лучшему. Боль в голове становилась нестерпимой. Ступеньки... Одна... Две... До пяти сосчитать не успел. Сознание провалилось в пустоту.

ГЛАВА 3

Говорят, если ты проснулся и у тебя ничего не болит, значит, ты умер. У меня болело абсолютно все. Умереть, наверное, было проще, но я жив. Тело пробивал ужасный озноб: видимо, время, проведенное на холодном полу в подвале, не прошло бесследно. Перед глазами пронеслись последние часы моей жизни. Вспомнить что-либо еще я не мог, да и попросту не имел на это ни сил, ни желания. Рядом трещал костер и стоял невыносимый запах помойки. Я открыл глаза и, насколько это было возможно, огляделся. Подо мной был какой-то грязный матрас, а на мне старая рваная фуфайка. Чувство брезгливости смешалось с благодарностью: все же сейчас я был в меньшей опасности, чем тогда, в подвале. Можно было искать силы для борьбы за собственную жизнь.

– Очнулся? Видно сильно жить хочешь. Дружков твоих крысы доедают, а ты счастливчик.

– Где я? – просипел я совсем незнакомым мне голосом и закашлялся так, что все мои внутренности стали выжигать меня изнутри.

– Где? Ха-ха! Да ясно где – на свалке городской. Рассказывай, кто ты и откуда. Почему тебя в мешке сюда привезли. Я, хоть и бомж, но мужик правильный. Увижу, что врешь, сдам тебя в государственную организацию по назначению...

– Я ничего не помню. Сам бы рад узнать хоть что-то. Мне сказали, что меня зовут Макс... Не знаю... Не уверен, что это так.

– То есть, как так? Совсем ничего? Хм... Ладно, отдыхай. Чай тебе сейчас сделаю. Макс, значит Макс. Я Данила Васильевич. Можешь Данилой звать. Или Васильевичем. Я не гордый.

– Спасибо, Василич...

– Да я то, что... Тимура благодари. Он тебя нашел.

– Кто такой Тимур?

Василич засмеялся, но ничего не ответил, только тонко просвистел беззубым ртом. Послышались чьи-то быстрые шаги... Нет, бег на четырех лапах...

– Волк?!

– Волкособ, – сказал Василич и ласково потрепал за ухом большую серую голову, – прибился ко мне, умный чертяга. Да ты его не бойся. Если зла в тебе нет – не тронет.

Тимур медленно подошел ко мне. Сердце бешено колотилось. Встать я не мог. Чувство незащитности перед серьезным зверем застало меня врасплох. Между тем, пес наклонился к моему лицу и осторожно его обнюхал. Странно, но от его дыхания я расслабился. Казалось, вся моя прежняя жизнь была связана с собаками. Тимур сел рядом и стал внимательно в меня вглядываться. Готов поклясться, что в этот момент на меня смотрела не собака. Его глаза скорее напоминали взгляд старца – доброго, умного и строгого. Пес снова наклонился ко мне, лизнул щеку и улегся рядом.

– Хм.. – нарушил молчание Василич, который до сих пор не сводил взгляда с Тимура, – тебе бы не поверил, но своей собаке не верить не имею права. Он мне жизнь спас прошлой зимой. Из-под льда меня вытащил. Если Тимур тебя признал, то и я не сомневаюсь, что ты человек хороший.

Я изобразил на лице подобие легкой улыбки, поскольку сил не осталось совсем. Воздух вокруг меня стал густым и тягучим. Было тяжело дышать.

– В больницу тебе надо. Умрешь. Вся голова разбита. Видно, крови потерял много. Да и легкие твои воспалились. На дорогу нужно. Там «скорые» часто катаются, поймаем какую-нибудь. Телефона, сам понимаешь, нет.

– Не дойду я... Василич, не жалец я.

– Я тебе дам – не жалец! Мы с Тимуром тебя не для этого нашли. Ты богом целованный, не гневи его.

Василич поднес к моим губам грязную кружку, с каким-то странным напитком, очень отдаленно напоминающим чай. Я сделал глоток, потом второй, третий. Понял, что еще могу побороться, Василич прав.

– Василич, как ты здесь оказался? Ну...на свалке? Если не хочешь, не отвечай.

– Да ответу, что ж уж... Дочь меня из квартиры выгнала. Сам виноват. Одинок было после смерти жены, пил много...

– Как так – дочь? Не верю. Бывает такое?

– О, мой друг, в жизни и не такое бывает.

Я внимательно оглядел своего спасителя. Волосы грязные, но аккуратно уложенные. Борода подстрижена. Ботинки, старые, но, странным образом, начищены до блеска. Он говорил, что с прошлой зимы здесь. Бомж. Но не тот бомж, который вызывает отвращение, от которого пахнет перегаром, а какой-то другой, интеллигентный что ли...

– Василич, а если в Суд? Ну, ты же, в конце концов, гражданин своей страны, должно же государство тебя защищать.

– Ха-ха-ха! – снова засмеялся Василич, – государство может и должно, да не обязано. У меня даже паспорта нет. Да и пустое все это. Не стану я с дочерью судиться.

– Да это разве дочь?! Она ж тебя из собственного дома выставила! Василич, очнись!

– Ты меня жить не учи. Сказал – не стану. И дочь мою не обижай. Я ее люблю. Обиды на нее не держу. Говорю тебе – сам виноват. Знаешь, я ведь помню, как она совсем маленькая бегала...Худенькая такая...Косички тоненькие... Однажды собака ее дворовая напугала. Так она ко мне подбежала, в руку мою вцепилась, дрожит вся... До сих пор помню, как вчера было...

Я молчал. Василич в очередной раз меня удивил. Ничего не помня из своей прошлой жизни, я точно знал, что людей с таким большим сердцем не так-то просто встретить. Василич украдкой смахнул слезу.

– Внучку бы увидеть, хоть одним глазком. Ей пять лет уже. Маринкой зовут. Да видно не судьба... Пошли. Дорога рядом. Соберись, мужик. Ты должен жить. Поверь. Как бы плохо ни было, а жизни радоваться надо и бороться за нее.

Я заставил себя встать. Тимур, незлобно порыкивая, настырно толкал меня носом в спину. Я положил ему руку на холку и слегка потрепал.

– Спасибо, друг. И тебе, Василич, спасибо. Даст Бог, еще увидимся.

– Это ты сейчас так говоришь – увидимся... Кому нужен старый бомж и его собака? Тебя сейчас в больничке подштопают, родных найдешь и забудешь все, как страшный сон. Живи, сынок. Ну, а если помянешь нас когда добрым словом – и то хорошо. Значит не зря все. Да, и вот еще что...

Василич покопался в кармане, достал оттуда две бумажки по пятьсот рублей и протянул мне. Я заплакал. Стыдно было плакать – мужик все-таки, но остановиться не мог. Понимал, что тысяча рублей – это все его богатство, которое он готов отдать мне – совершенно незнакомому ему человеку.

– Василич, не надо. Оставь, тебе нужнее.

– Бери, не обижай старика. За мной грехов много. Считай, что один из них я сейчас с этой тысячей на прощение меняю... Ты только не думай, эти деньги не ворованные. Я их честно заработал. Огороды копал весной у дачников. Пить я давно уже бросил. К еде непривередлив, да и бесплатные обеды в парке раздают. Все будет хорошо. Бери.

Он уверенно вложил мне в руку деньги. Я еще раз подумал о большом сердце и тяжелой судьбе Васильича и обнял его за плечи. Перед глазами было темно, сердце колотилось, голова буквально разрывалась от боли. Впереди показался свет фар, рассекающий мокрую дорогу. Тимур уверенно вышел вперед и завыл. Да, это была «скорая». Тимур не ошибся. Машина резко затормозила. Из кабины выскочил разъяренный водитель.

– А ну пошел отсюда! И откуда взялся только?!

Мужчина поднял с дороги камень и замахнулся им на Тимура. Пес не сходил с места.

– Не тронь его, – сказал я и встал рядом с собакой.

Водитель, казалось, был обескуражен. Да я бы и сам, наверное, удивился, будь я на его месте. Два бомжа и огромный пес глядели на него в шесть глаз.

– В больницу ему надо, – сказал Василич. Разбитый весь и не помнит ничего. Избил кто-то и выкинул на свалку.

– Эй, док, выйди, – позвал кого-то водитель «скорой».

Из машины выглянул молодой, несколько нелепый из-за крупных веснушек и больших ушей, но, одетый с иголки, врач. Или санитар. Во всяком случае, вид у него был довольно деловой. Он как-то брезгливо оглядел нашу троицу, спросил, кому нужна помощь и, бегло осмотрев при свете фар мою разбитую голову, молча, кивнул водителю. Меня завели в машину и уложили на носилки. Я в который раз за последние сутки начал терять сознание, но сделал над собой усилие и посмотрел в окно. На обочине стояли Василич и Тимур. Василич перекрестил меня и что-то прошептал губами. Машина тронулась, а я не мог оторваться от совсем уже темной обочины, на которой стояли мои друзья. Теряя сознание, я подумал: «Мир не без добрых людей. Наверное, и я не совсем пропащий, если мне люди помогают. Чтобы не случилось, а Василича я еще увижу...».

ГЛАВА 4

Казалось, все происходит не со мной. Было на удивление спокойно. Нет, не так. Безразличие к происходящему – более точная характеристика для тех моих чувств, когда я парил над своим телом и наблюдал за действиями врачей.

– Срочно в операционную! – командовал один из них, врач лет сорока пяти, – черепно-мозговая травма, субдуральная гематома, сломано ребро справа, возможно осколочное повреждение правого легкого. Как вообще вы его довезли? Откуда он взялся?

– Ой, не спрашивайте Андрей Иванович, появился с волком и мужиком каким-то на дороге, как из-под земли выросли.

– Да ну? На ногах стоял? Не заливай, Вася. С такими травмами он максимум мог лежать на обочине и дышать через раз.

– Да я не обманываю! Вон, Витьку спросите, он нас привез.

– Верю, верю, не кипятись... Марина, давление и пульс контролируешь?

– Да, Андрей Иванович, давление восемьдесят на шестьдесят, пульс нитевидный, не фиксируется.

– Плохо дело... За операционной бригадой отправили?

– Да, уже едут.

– Хорошо. Василий, готовься, будешь ассистировать.

– Андрей Иванович, да я же ни разу...

– Отставить разговоры. Когда-то надо начинать. Готовься.

Наверное, мне несколько наскучило наблюдать за собой со стороны, и я вернулся, чтобы открыть глаза. Рядом со мной суетилась та самая Марина, приятная женщина с ярко-зелеными глазами. «Кошка», – подумал я и улыбнулся.

– Андрей Иванович, больной в себя пришел!

Андрей Иванович большими шагами подошел к моим носилкам.

– Да из чего ты сделан, приятель? – спросил врач, направляя на мои зрачки луч фонарика, – Я, конечно, рад, что ты жив, но такого не бывает. Фамилия? Имя? Отчество? Контакты родственников?

– Макс... Вроде бы. Больше не помню ничего. Даже имя не помню. Сказали мне, перед тем как на свалку бросить.

– Кто сказал? Что произошло? Вы понимаете, что я должен сообщить о вас в полицию?
– Док, вы меня вытащите только и сообщайте кому хотите. Мне терять нечего. Только искать... Я жить должен. Мне один хороший человек это сказал.

Андрей Иванович коротко кивнул, записал что-то в истории болезни и дал распоряжение Марине. Коридор больницы загудел от суеты и многочисленных голосов: приехала операционная бригада. Меня повезли в операционную. Странно, но я не испытывал страха перед медицинскими инструментами, аккуратно разложенными на столе. Кажется, в прошлой жизни я все это видел, прикасался ко всему этому. Я – хирург? Да ну нет. Я начинал на себя злиться за то, что не могу вспомнить свою собственную жизнь. Яркий свет прожектора. Обратный отсчет от десяти. Девять... Восемь... Андрей Иванович склонился надо мной... И Марина... Лица расплываются... Смешно мелькнули и пропали два больших уха молодого аспиранта Василия. Первый раз за последние сутки мне было по-настоящему спокойно и легко...

ГЛАВА 5

Отрывочные воспоминания атаковали мой больной мозг. Ни одного лица было не разобрать, картинки менялись слишком часто и были настолько смазанными, что приносили мучительную боль. Однако я понимал, что мое сознание совершает большую работу в поисках моей прошлой жизни. Я с большим трудом открыл глаза и снова их закрыл: приглушенный свет ночника показался мне яркой вспышкой. Смотреть на него было невозможно. Наверное, в этот момент я начал стонать. Точно не помню. Но рядом сразу же оказалась та самая медсестра-кошка Марина.

– Настоящий борец, умница, – подбодрила меня Марина и сразу затянула на моей руке манжету для измерения давления.

– Андрей Иванович...

– Андрей Иванович спит. Сутки от вас не отходил, лично дежурил. Это после семи часов операции. Скоро вернется. Говорит, что за двадцать лет в больнице таких пациентов, как вы у него не было. У вас же сердце два раза останавливалось на операционном столе. Думали – все... Теперь жить будете точно. И точно долго. Андрей Иванович обещал. А он слов на ветер не бросает.

Я смог сказать только скупое «спасибо». Внутри меня сидела невероятная благодарность, но выразить ее не было никаких сил.

– Сколько я был без сознания?

– Почти двое суток.

– Ого! Выспался на всю оставшуюся жизнь...

– Вы ничего не вспомнили?

– Нет, ничего. Фотографии какие-то... Без лиц.

– Ну, ничего. Лиха беда начало. Все. Больше не разговариваем, нельзя вам.

Кажется, я хотел еще что-то сказать, но Марина так строго на меня посмотрела, что ее глаза превратились в два сияющих прожектора. «Точно кошка», – подумал я и приложил палец к губам.

– Молчу! Не ругайтесь, Марина.

Примерно через час дверь в палату осторожно открылась, и заглянул Андрей Иванович. Он увидел, что я не сплю и подошел ближе. У меня появилась возможность разглядеть его. При первом знакомстве мне показалось, что ему лет сорок-сорок пять. Возможно, так и было, но взгляд Андрея Ивановича был настолько уставшим, что сейчас казалось, ему не меньше шестидесяти. Аккуратно уложенные волосы и ровные стрелки на брюках создавали впечатление, что передо мной абсолютный педант.

– Ну как ты, Макс? – спросил Андрей Иванович уставшим голосом.

– Живой кажется... Спасибо, док. Если бы не вы...

– Я просто делал свою работу. А спас себя ты сам. Никогда еще не видел, чтобы люди настолько за жизнь цеплялись. Умирать никто не хочет, это понятно, но, чтобы с такими травмами на дороге попутку ловить – увольте. Это за гранью медицины. В общем, говорить тебе сейчас нельзя, но поговорить нам нужно. Так что лежи и слушай. Ты точно ничего не помнишь?

Я отрицательно мотнул головой. Услышанное дальше от Андрея Ивановича, заставило меня глубоко задуматься. Он рассказал мне, что, пока я был без сознания, по его заявлению в палату приходили представители нашей доблестной полиции. Они опознали во мне человека, фоторобот которого был в каждом отделении и на всех стратегических объектах, то есть вокзалах, аэропортах, почтах и в прочих аналогичных местах. Человек с фоторобота подозревался в похищении малолетнего мальчика из соседнего города. Подробностей Андрей Иванович не знал, но я чувствовал его обеспокоенность и некоторую неуверенность в том, правильно ли он поступает сейчас, рассказывая мне все это.

– К палате приставлена охрана. Я, как твой лечащий врач, запретил сейчас любые вопросы, но будь готов. Не верю я почему-то, что ты похититель. Другой ты человек. И еще. У тебя под сердцем осколок сидит. Старый. Я его трогать не стал – опасно. Такой подарок у тебя, вероятнее всего, с войны остался. Вспоминай. Я тоже воевал. Такое не забывается. Ну и последнее... На твоём лице есть следы пластической операции. Я с этим профилем плохо знаком, не знаю, изменилась ли твоя внешность, но об этом тоже подумай.

Андрей Иванович попрощался и вышел за дверь. Поехал домой отдыхать. В коридоре я слышал его строгий голос, его троекратное «нет» полицейскому, который дежурил у двери. И короткое «завтра поговорите». Значит, до завтра у меня есть время собраться с мыслями, а сейчас надо спать. Голова все еще болит, а по глазам, будто кто ножом режет... Утро вечера мудренее.

ГЛАВА 6

Заснуть не получалось очень долго. Неожиданно вспомнилась народная мудрость – жизнь прожить не поле перейти. Сейчас я стоял на том самом поле и не помнил ни одной тропинки, по которым я мог бы сюда попасть. Все казалось странным и незнакомым, принадлежащим какому-то другому персонажу. Наверное, я начал засыпать, потому что вдруг на этом самом поле, недалеко от меня появился белокурый мальчишка. Он стремительно приближался, но я видел лишь его очертания. Больное воображение после рассказа Андрея Ивановича? Или... Что, если я действительно похитил ребенка?! От этих мыслей я резко открыл глаза и снова натолкнулся на стену боли, которая напомнила о себе в голове и глазах.

– Сестра! – вырвалось из моего нутра, потому что терпеть дальше я просто не мог.

В коридоре послышались шаги. Дверь открылась и вошла женщина с утрированно-пышными формами. Двигалась она на удивление быстро. Каждое ее движение было отточенным и правильным.

– Что случилось? – спросила она.

В ее голосе определялось нескрываемое пренебрежение, видимо от того, что я нарушил покой ночной смены своим внезапным криком.

– Голова болит страшно, – пожаловался я, – можно таблетку?

– Можно, – буркнула она, развернулась и вышла из палаты, хлопнув дверью.

Спустя минуту «ночная фея» появилась снова, молча кинув на стол возле моей кровати обещанную таблетку и поставив стакан воды, из которого выплеснулись капли. Вступать в конфликт я не имел никакого желания. Быстро выпил лекарство и извинился перед медицинской сестрой, что потревожил ее. Я поймал острый ненавидящий взгляд «ночной феи». За что? Вроде бы не успел еще сделать ей что-то плохое. Или успел? То, что я услышал дальше, полностью выбило меня из колеи и повергло в шок.

– Возьмись тут с убийцей... Андрей Иванович, добрая душа... Своими бы руками тебя убила, да мараться не хочу.

Я не нашел ни одного слова, ни одного аргумента, чтобы возразить ей. Медсестра уже выходила за дверь, а я лежал и не мог пошевелиться. Глаза устало закрылись. Передо мной снова было поле. Я снова был на нем один. Шел дождь, но капли стекали только по щекам. Где-то далеко я отчетливо слышал взрывы. Трава вокруг меня загорелась. Стало нечем дышать. Ну, вот и все. Это конец. Я поймал себя на мысли, что думаю об этом спокойно. Наверное, просто устал. За пеленой дыма я различил силуэт мальчишки. Он не убежал от меня. Грустно смотрел прямо мне в глаза и ничего не говорил. Кто-то сильной рукой выдернул меня из огненного плена, и я снова оказался в больничной палате.

– Макс, очнись! Макс! – это был Андрей Иванович. – Уфф... Ну и напугал же ты меня, дружище...

– Что со мной, док? – просипел я.

– Горишь весь. Вроде на поправку шел и на тебе... Похоже на шок, но вот что его спровоцировало – не пойму. Давай, рассказывай.

Я не знал, стоит ли ему рассказывать о моем знакомстве с «ночной феей». Андрей Иванович заметил мою неуверенность, но расшифровал ее по-своему.

– Вспомнил что-то, и рассказывать не хочешь? Есть, что скрывать от меня? Как хочешь. Там за дверью следователь топчется уже два часа. Удачи.

– Док, подожди... Не вспомнил я ничего. Просто ночью...

– Что ночью? Договаривай, раз начал.

Я выдохнул и рассказал о том, как проснулся от головной боли, о том, как звал медсестру, просил таблетку и о том, как она назвала меня убийцей. Ничего не утаил и от этого, с одной стороны, чувствовал какое-то облегчение, а с другой – ненавидел себя за жалобу на женщину, у которой наверняка был повод для ненависти к убийцам и похитителям, каким она меня считала. Док нахмурился и сжал руку в кулак, от чего его костяшки побелели.

– Ай да Елена Сергеевна... Я ей сейчас устрою...

– Андрей Иванович, не нужно. Я в порядке. А что до нее, так Бог ей судья. А вдруг я действительно и ребенка украл у родителей, и убил кого-то... Это меня больше всего мучает. Мозг отказывает в это верить, да и сердце тоже. Если правда я такой, как все говорят, так зря ты меня спасал...

– Медики клятву Гиппократата дают. Это святое. Как Библия. И каждый эту клятву чтить должен. Елене Сергеевне я обязательно про это напомню. Ты мне скажи лучше, готов с полицией общаться?

– Готов. Когда никогда, а все равно придется. Зови.

Андрей Иванович коротко кивнул и вышел за дверь. Я слышал его короткие наставления следователю о том, что мне нельзя много разговаривать и волноваться. Почти сразу в палату зашел подтянутый крепкий мужчина в штатском лет тридцати пяти с маленькими круглыми глазами, которые как-то не пропорционально располагались на его правильных чертах лица.

– Капитан Михайлюк, – представился он и протянул удостоверение, в котором я, впрочем, не успел что-либо разглядеть. – Рассказывайте.

– Что рассказывать? – спросил я.

– Не прикидывайся. Все рассказывай. Чистосердечное признание тебя от зоны не спасет, но душу облегчит. Где мальчик?

– Я не знаю. Не помню ничего.

– Это ты своему доктору заливай. Не помнишь ты... Мразь.

Во мне что-то закипело. Это чувство не могло сравниться ни с растерянностью после слов «ночной феи» Елены Сергеевны, ни, даже, с пожаром на поле из моего сна. В моем голосе появились металлические нотки и такая твердость, которую я сам от себя не ожидал.

– Капитан Михайлюк, кто Вам дал право разговаривать со мной в подобном тоне? Вы можете что-то мне предъявить? А, если окажется, что Вы ошиблись и я не тот, кого Вы ищите?

Капитан внимательно посмотрел на меня. Я не отводил взгляд. Мы оба молчали, кажется не меньше минуты. Он оценивал меня, мои слова, мои действия, и я это хорошо чувствовал. Нужно сказать, что взгляд его перестал метать молнии, хотя и дружелюбным его назвать было нельзя.

– Хорошо. Приношу свои извинения. Вы правы, доказательств пока нет. Этого пацана уже месяц ищут. Если опираться на сухую статистику, то в живых его уже нет. Хотя родители верят и поиски не прекращают, особенно мать... Расскажите, что помните. Фамилия, имя, отчество?

– Меня зовут Макс. Помню только последние несколько дней. Больше ничего.

Я рассказал капитану обо всем, что со мной приключилось, стараясь не упустить ни одной детали. О трупах в мешках, об охранниках, о странном спасении и не менее странной записке, о Василиче и Тимуре, о «скорой» и дороге в больницу. Все, сказанное мной, капитан записывал на диктофон, параллельно делая какие-то пометки в своем блокноте.

– Охранники как-то называли друг друга?

– Только двое. Старый и Дэн. Старый помог мне сбежать.

– Откуда такая уверенность? Вы же утверждаете, что не видели его лица.

– Я слышал его шаги. Уверен, что это был он.

– Шаги к делу не пришьешь. Так. Ладно. Пока останетесь здесь. У дверей охрана. Попытайтесь сбежать – сразу в СИЗО отправлю, и Андрей Иванович не остановит.

– Капитан, а можно мне фотографию мальчика?

Капитан задумчиво посмотрел на меня, потом открыл папку и протянул мне фото. Со снимка на меня смотрел голубоглазый белокурый мальчишка лет девяти. Я готов был поклясться, что это его я видел в своих снах. Меня снова бросило в жар, что не укрылось от пытливого профессионального взора Михайлюка.

– Узнал?

– Мне кажется, я знаю его...

Я не стал скрывать от капитана, что лицо мальчика показалось мне знакомым. Это было бы глупо.

– Ну, полежи тут, подумай, может, еще что вспомнишь. Про чистосердечное признание я уже говорил. Милости просим.

Капитан собрался уходить. Я остановил его вопросом, который меня мучил после разговора с Еленой Сергеевной.

– Капитан... Почему меня называют убийцей?

– Хм... Кто сказал? Ну да ладно. Расскажу. Тайны в этом нет, особенно для тебя, если ты – он. Говоров Максим Леонидович, который подозревается в похищении малолетнего ребенка, в шестнадцать лет убил своего отчима. Горло перерезал ночью. За то, что мать за него замуж решила выйти. Отбывал срок в Можайске, откуда вышел по УДО через шесть лет, и никто его больше не видел, даже к матери не заезжал. Ну как? Знакомая история, а?

– Нет, капитан, не знакомая.

– Завтра направлю сюда нашего психолога. Пусть покопается в твоих мозгах. Надеюсь, ты не против?

– Нет. Я только «за». Присылайте.

Капитан ушел, а я лежал и думал, что, если это я – Максим Леонидович? Что, если я убийца? Много не укладывалось в голову: пластическая операция, осколок под сердцем, девственно-чистый мозг, знакомое лицо похищенного мальчика, слова Елены Сергеевны и капитана Михайлюка... О, боже. За что мне все это?

ГЛАВА 7

Капитан Михайлюк уверенно, как-то даже нарочито чеканя шаг, шел по коридору звенигородского отделения полиции. Он без стука открыл серую дверь с табличкой «Начальник уголовного розыска г. Звенигорода Потапов Семен Петрович».

– А, Егор, заходи. Давно тебя жду. Узнал что-то? – спросил Семен Петрович, полковник с седыми редкими волосами, зачесанными назад.

– Да, – коротко ответил Егор и включил диктофонную запись, полученную в больничной палате.

Диктофон замолчал. В кабинете повисла пауза. Семен Петрович медленно достал портсигар, с которым не расставался уже очень давно, извлек из него папиросу, помял ее в руках, понюхал и с некоторым сожалением положил обратно.

– Бросаю, – ответил он на немой вопрос Егора, – врачи запретили... Ты ему веришь?

Последний вопрос был по поводу меня. Капитан Михайлюк это понял, но молчал.

– Не веришь, значит. Может ты и прав. Слишком много на него указывает. А то, что память потерял, так это не навсегда. Ингу отправил к нему? Она специалист грамотный, может получится хоть что-то из памяти этого Макса вытянуть.

– Нет еще. Направлю, обязательно. Вот только...

– Что?

– Две недели назад я в Можайск запрос делал по пальчикам Говорова. До сих пор ответа нет. Посодействуете?

Семен Петрович нахмурился и встал из-за стола.

– Капитан Михайлюк, ты как ребенок. Все сам. Раньше почему не сказал мне, что с ответом тянут?

Егор действительно сейчас был похож на упрямого мальчишку. Его лицо покрылось пятнами от нескрываемого волнения.

– Ну, так как, Семен Петрович, поможете?

– Конечно, помогу. Егор, я тебя еще мальчишкой помню, когда ты яблоки в моем саду воровал. Помнишь? – Семен Петрович по-отечески потрепал Егора по голове и устало улыбнулся. Капитан Михайлюк встряхнулся и, напустив на себя строгость, которая сейчас была не столько смешной, сколько умилительной в глазах Степана Петровича, продолжил беседу.

– Считаю, необходимо допросить Василича, бомжа с городской свалки, о котором говорил подозреваемый. И саму свалку осмотреть. Если не врет, то найдем там два трупа... Брр.

– Это ты правильно говоришь. Бери опергруппу, машину и дуй туда. Потом не забудь доложить. В любое время.

– Разрешите идти, товарищ полковник?

– Иди, Егор... Отец тобой бы гордился.

Капитан Михайлюк развернулся и, чуть замешкавшись возле двери, вышел. Семен Петрович снова достал из потертого портсигара папиросу и закурил, рассматривая что-то за окном. Реальности, а значит и угрозы врачей, для него сейчас не существовало. Он снова был на войне. Ужасно ныло раздробленное плечо, но это не давало ему права бросить тяжелораненого друга – Сашу Михайлюка, которого он вынес на себе из-под обстрела. «Держись, братишка», – шептал Семен Петрович много лет спустя, как тогда. Саша умер у него на руках. Нет, в этом не было его вины, много молодых ребят в то время погибло. Однако этот момент остался в памяти полковника Потапова как самый черный день его жизни. «Счастливчик этот Макс», – подумал полковник, – «Как бы я сейчас хотел все забыть».

На улице моросил мелкий противный дождь. Уже ноябрь, а природа никак не может определиться со временем уходящего года. Настроение у членов группы капитана Михайлюка было отвратительным. Еще бы. Все понимали, куда и зачем они едут. Приятного мало – провести день под дождем на городской свалке в поисках трупов, которые вряд ли получится опо-

знать, а значит, очередные «висяки» в отделе обеспечены. Если, конечно, Макс не врал. Егор в тайне надеялся на это, поскольку, все сказанное Максом заводило расследование, первое самостоятельное дело капитана Михайлюка, в тупик. Старый УАЗик заскрипел тормозами, съезжая на обочину. Приехали.

– Лавр и Кирюха – вы с собаками на поиски трупов. Леший со мной, искать Василича. Только осторожно, у него собака вроде бы.

Кирюха, совсем молодой опер, демонстративно похлопал рукой по кобуре.

– Это он пусть меня боится. Шмальну пару раз, и нет собаки.

Егор нахмурился.

– Слушай, ты, я тебе потом так «шмальну», искры из глаз полетят. Не смей трогать ни бомжа, ни собаку. Ясно?!

– Ясно, товарищ капитан. Шучу я... Погода плохая – юмор черный. Прошу прощения...

– Ладно, расходимся. Скоро судмедэксперт подтянется. Я обещал его работой обеспечить до завтрашнего утра.

Подняв капюшоны дождевиков, все участники «поисковой операции» вышли из машины и спустились на свалку по довольно скользкому склону. Егор только сейчас вспомнил, что у него сегодня день рождения и устало усмехнулся про себя, оставаясь внешне спокойным и сосредоточенным: «Вот, пап, также как ты когда-то, свою работу обожаю. Я на тебя обижался, что ты все время за стол опаздывал, свечки на торте со мной не задувал, а теперь сам...на свалке тридцатилетие встретил. И ни тебе свечек, ни торта».

ГЛАВА 8

Василича нашли внутри старого, разваленного сарая, который, невесть каким образом, оказался в паре метров от границы свалки. Внутри было сыро и холодно. Василич лежал на старой панцирной кровати, вероятно найденной на свалке, и сильно хрипел при каждом вдохе. Егор сделал шаг вперед и огляделся. Собаки нигде не было.

– Данила Васильевич? – спросил Егор.

Василич повернул голову на звук и открыл глаза. Видимо, болел он уже давно. Каждый вздох давался ему с большим трудом. Он попытался сесть, но не смог.

– Да, это я. Чем могу?..

– Да вы не вставайте. Помните Макса? Он... Вы его тут нашли, в мешке вроде бы...

– Как не помнить. Хороший человек. Живой?

– Живой. Живее всех живых. Он говорит, еще трупы были здесь? Ой... точнее не еще, а просто трупы...

Егор злился на себя за то, что около Василича почувствовал себя почему-то как у школьной доски, когда урок не выучил. Василич оценивающе глядел на него сквозь болезненную пелену.

– Правду он сказал. И трупы есть. Метрах в трехстах отсюда.

– Почему не заявили о находке в полицию?

– Хотел. Сначала Макс чуть живой был. Думал, что умрет. Потом сам слег. У меня же здесь ни телефона, ни другой какой связи.

– Понятно. Точно можете место указать?

– Точно только Тимур знает.

– Наслышан. Только его нет нигде, да и вы вон не встаете. Ладно уж, сами как-нибудь.

– Постой, капитан, не торопись.

Василич коротко свистнул и ласково посмотрел на дверь. Егор невольно последовал за его взглядом. От увиденного его бросило в дрожь. На пороге на кончиках пальцев всех четырех лап стоял волк. Взгляд из подлюбья, оголенные клыки – все это указывало на скорый прыжок зверя, защищавшего своего хозяина.

– Тимур, иди ко мне, – ласково, но твердо подозвал его Василич.

Тимур медленно прошел мимо Егора, не отрывая от него взгляд. Василич что-то прошептал на ухо зверю и тот направился к выходу. У порога он обернулся и снова посмотрел на Егора, приглашая следовать за ним. «Я, наверное, тоже болен», – подумал капитан Михайлюк и послушно направился за Тимуром. Волкособ бежал впереди. Егор и Алексей – Леший – старались не отставать. Лавр и Кирилл вяло копались в горе мусора со своими собаками. Тимур уверенно свернул с тропинки и направился в самую глубь свалки. Впрочем, ушел он не далеко. Порылся носом в одном месте, копнул лапой в другом и сел. Егор подошел ближе и увидел край мешка. «Значит, Макс не обманул».

– Спасибо, Тимур, – уважительно и по-доброму сказал Егор.

Его рука потянулась к холке Тимура, желая погладить, однако пес лязгнул зубами возле кисти Михайлюка, показывая, что этого лучше не делать, и удалился в сторону хижины Василича.

– Умный пес, – прошептал Леший, который до сих пор не мог сказать ни единого слова, – Никогда раньше таких не видел! Это ж надо – старик ему на ухо только шепнул, а он все понял. Бывает же так.

Егор был полностью согласен с Алексеем. Кажется, в эту минуту, он по-другому посмотрел и на Макса, и на Василича, и на всю эту непростую историю.

– Зови ребят. Скажи, что нашли. Вон и эксперт приехал. Вовремя. Дальше без меня. Я должен кое-что сделать.

Егор развернулся и пошел к Василичу. Конечно, он не планировал этого заранее, но так или иначе, бомж был важным свидетелем. А еще он был болен, и его нужно было уговорить поехать в больницу. «Макс прав. Это не простой бомж. Что-то в нем есть». Капитан Михайлюк зашел внутрь сарая. На этот раз Тимур сидел возле ног своего хозяина и уже не был столь враждебным, как показалось Егору при первом знакомстве.

– Данила Васильевич, Вам бы в больницу...

– Ха-ха-ха... Устало засмеялся Василич. Зачем? Устал я от такой жизни. Устал... Понимаешь?

В этот момент Тимур тихо, тонко завыл, как маленький щенок, и положил лапу на ногу хозяина. Василич нежно посмотрел на него и закрыл глаза. Его дыхание было слышно на расстоянии. Вдох... Выдох... Длинная пауза и судорожный вдох... По телу Егора побежали мурашки. Он понимал, что Василич умирает.

– Леший, вызови «скорую», – крикнул он по рации Алексею.

Тимур снова поднялся в стойку около кровати Василича. Егор поспешил выйти наружу, понимая серьезность его намерений. Волк остался внутри охранять покой хозяина. «Такая преданность... В мире людей такой не бывает... Наверное не бывает».

ГЛАВА 9

В коридоре больницы появилась какая-то суета. Я подумал, что, наверное, привезли кого-то по «скорой». Четвертые сутки на больничной кровати сводили меня с ума. Я попробовал встать, ноги плохо слушались, в голове появился шум, но, сделав несколько шагов, понял, что болезненные симптомы перестали быть такими яркими. Я осторожно открыл дверь в коридор. Рядом на стуле дремал приставленный к моей особе полицейский, молодой человек лет двадцати трех с взъерошенным светлым чубчиком. Он вскочил на ноги и, довольно резко, впрочем, без какой-либо неприязни, попросил меня вернуться обратно.

– Не сбегу я. Можно хотя бы умыться? Товарищ старшина, войдите в положение. Умыльничек в двух шагах.

Старшина о чем-то задумался, видимо о том, не нарушит ли он приказ, выпустив меня в коридор, потом устало сел на свой стул и махнул рукой:

– Давай, только быстро...

Я поблагодарил его и направился к умывальнику, который давно уже приметил напротив свое палаты, открыл кран, зачерпнул холодной воды и умылся. Как хорошо. Кажется, я тысячу лет уже так не делал. Над умывальником висело зеркало. Оно было совсем маленьким, с отколотым правым краем, но это не помешало мне увидеть свое отражение, которое смотрело на меня и издевалось. Конечно, я сейчас выражаюсь фигурально, галлюцинации меня, слава богу, не преследовали, но почему-то стало жутко. Дело в том, что внешне я представлял себя несколько иначе. Как именно – описать сейчас не возьмусь, но отражение в зеркале совершенно точно не совпадало с ожиданиями. Узкий прямой нос, тонкие скулы, глубоко посаженные глаза, морщинистый лоб и неприятный шрам на левой щеке. Да уж, зрелище, самому жутко, не то, что окружающим.

По коридору мимо меня пробежали Марина-кошка и молодой аспирант Василий. Они явно были чем-то озадачены. В руках Василия была большая медицинская сумка. Марина докладывала туда какие-то лекарства, кажется все подряд, какие только находила. Я окликнул ее.

– Марина, что случилось?

Марина на минуту замешкалась, а потом строго спросила, кто разрешил мне встать. По виду аспиранта было понятно, что ему предстоит совершить какой-то подвиг, но он не знает как его реализовать. От этого он покрывался красными пятнами. При этом горели даже его уши. Руки аспиранта тряслись, что было явно заметно даже на почтительном расстоянии, на котором я находился. Внутри меня заныло неприятное чувство. Я не намерен был отступать.

– Что случилось? – отчетливо повторил я свой вопрос.

Марина устало и обеспокоенно посмотрела на меня. Видно было, что информация каким-то образом имела ко мне отношение.

– Оперы на свалке работают, откуда вас привезли. Для Василича вашего «скорую» вызвали, говорят, умирает, а там собака не пускает никого к нему. Андрей Иванович с утра куда-то уехал, Ваську за главного оставил. Вот, поедет сейчас, на месте помощь оказывать. Собаку придется застрелить, если будет мешать. Хотя следователь, который к вам приходил, запрещает пока.

– Василич умирает?! Да как же так? И Тимура убивать нельзя. Никак нельзя! Еду с вами, – решительно обратился я к Василию.

Передо мной встал охранник.

– Это исключено. Возвращайтесь в палату. У меня приказ.

– Сержант, да пойми ты, что сейчас хороший человек умирает. Я могу помочь, я собаку знаю, он меня послушает. Ну, хочешь, позвони Михайлюку, спроси у него разрешения.

Сержант кивнул головой и набрал номер.

– Егор Александрович, разрешите обратиться... Тут...Подозреваемый просится к вам помочь с собакой...Очень настаивает...Никак нет...Да, хорошо, сделаю.

Сержант закончил разговор, а мы втроем неотрывно смотрели за ним.

– Собирайтесь. Только без глупостей. Я еду с вами.

Василий, кажется, облегченно вздохнул и посмотрел на меня с какой-то надеждой и благодарностью. Марина была обеспокоенной.

– Андрей Иванович, меня убьет. Он даже вставать вам запретил, а вы куда-то ехать собираетесь...

– С Андреем Ивановичем я сам разберусь. Марина, поймите, этот человек мне жизнь спас. Я должен.

Марина обреченно вздохнула и протянула мне зимний рабочий костюм.

– Вот...Наденьте пока этот...Вашу одежду на экспертизу забрали.

Я схватил одежду и надел ее прямо в коридоре. Голова ужасно болела, но я предусмотрительно об этом умолчал. Однако Марина что-то заметила или почувствовала и протянула мне таблетку. Я, молча, поблагодарил ее взглядом за понимание и повернулся к сержанту.

– Готов. Едем.

На улице нас уже ждала машина. Мы быстро загрузились в нее и поехали. Дорога к свалке показалась мне вечностью. Уже не помню точно, но, по-моему, когда мы приехали на место, я выпрыгнул из машины на ходу. Недалеко от себя я увидел капитана Михайлюка, который никого не пускал ни к Василичу, ни к Тимуру. Я подумал, что не плохой он человек. Мы встретились с ним глазами, и он отошел в сторону, пропуская меня внутрь сарая. Василич лежал на спине. Его лицо было одутловатым, какого-то землистого оттенка, а кожа вокруг губ приобрела характерный синюшный цвет.

– Василич, миленький, – бросился я к нему от порога.

Тимур преградил мне путь. Он не был ко мне враждебен, но всем своим видом показывал, что не даст подойти к своему хозяину. Я сел возле него и заглянул к нему в глаза.

– Тимур, ты же умный пес. Пойми, Василич умирает. Ему можно помочь только в больнице. Он и мой друг тоже. Помоги ему, пожалуйста.

Тимур упрямо стоял возле кровати Василича, но что-то в его поведении изменилось. Он смотрел то на меня, то на Василича, потом вдруг завыл и отскочил в сторону. Я смог подойти ближе к кровати. Василич был без сознания и делал слабые судорожные вдохи. Его шея раздулась так, что на поверхности отчетливо проступали вены.

– Давайте носилки, срочно, – крикнул я за дверь.

В сарай опасно заглянул Василий, следом зашли два санитар и начали перекладывать Василича на носилки. Я посмотрел на Тимура. В его глазах стояли настоящие человеческие слезы. Он тихо поскуливал, наблюдая за тем, как увозят его хозяина. Я подошел к нему и обнял.

– Тимур, все будет хорошо. Слово тебе даю.

Тимур уткнулся в мою ладонь влажным носом, а я подумал, что все бы отдал за то, чтобы Василич выжил. За происходящим от дверей наблюдал Егор. В его сознании все смешалось. Он понимал, что я единственный подозреваемый в нелегком расследовании, но не мог отделаться от чувства, что пропитывается некой симпатией ко мне. Тем временем Василича уже загрузили в «скорую». Все ждали только меня. Я еще раз погладил Тимура и закрыл за собой дверь. Тимур остался один. Мы отъезжали, а я слышал его продолжительный жалобный вой.

Я ехал рядом с Василичем, не сводя с него глаз. Его дыхание с каждым разом становилось слабее и, вдруг, остановилось. Мое сердце бешено заколотилось. Я не мог дать ему вот так просто умереть...

– Док, сделай хоть что-нибудь! – закричал я.

Капитан Михайлюк и молодой старшина ехали с нами в одной машине. Вид у всех был крайне растерянный. За «скорой» бежал из последних сил Тимур. Он вдруг остановился и завыл. Аспирант пытался что-то набрать в шприц, не особо рассчитывая на какой-либо результат, что явно читалось в его глазах.

– Скальпель! Быстро! – зачем-то закричал я, не понимая, что собираюсь делать.

Василий покопался в сумке, достал инструмент и протянул мне. Дорогу преградил сержант.

– Он же убийца! Что вы делаете?! Это наш свидетель.

Вид его был глупым. Василич и так уже умер. Каждый, кто находился в машине, это понимал.

– Отойди, – сказал ему Егор, – Пусть попробует.

Я взял в руки скальпель. Он как-то привычно и надежно лег в мою руку. Я поймал себя на мысли, что действую автоматически и отключил мозг, доверяя чувствам. «Позже обязательно об этом подумаю. Не сейчас», – пронеслось в больной голове. Я наклонился над Василичем,

подложил ему под лопатки свою куртку и уверенно воткнул острие скальпеля между колец трахеи чуть выше кадыка.

– Вася, трубку! Какую-нибудь, сантиметров десять! Быстрее!

В чудесном чемоданчике аспиранта самым необыкновенным образом оказалась трахеостомическая трубка. Он трясущейся рукой протянул ее мне.

– Подойдет?

– То, что надо! Бинт давай, – сказал я ровным голосом, вставляя трубку на место разреза, потому что Василич снова начал дышать. Воздух с шумом всасывался им через стому. Дыхание не было ровным, но кожа его начала приобретать нормальный вид. Я отошел в сторону и сел прямо на пол. Сил стоять на ногах больше не было. Со лба крупными каплями капал пот. Все, молча, смотрели на меня, но мне уже было все равно. Главное, что Василич жив.

ГЛАВА 10

Уже не помню, как я добрался до своей кровати. Перед глазами стояла густая пелена. В висках стучало так сильно, что казалось, кто-то в моей голове работает отбойным молотком. Мысли путались, слабость пронизывала каждую клеточку моего тела. Марина подхватила меня под руку в коридоре и помогла зайти в палату. Сразу же подошел Андрей Иванович, бегло осмотрел меня и сказал что-то Марине. Мне он тоже что-то хотел сказать, но потом, кинув на меня хмурый взгляд, вышел, попросив «кошку» не спускать с меня глаз, «чтобы опять на подвиги не потянуло».

По отдельным фразам персонала в больничном коридоре я понял, что Василича готовят к срочной операции, которую будет проводить Андрей Иванович. «Значит, жив», – выдохнул я. – «Теперь все будет хорошо». Я закрыл глаза. Передо мной было то же самое поле. Чуть поодаль – люди в белых халатах, среди которых выделялся один хирург, который перемещался среди раненых и убитых солдат, отдавая приказы медсестрам. Тогда я подумал, что странная штука – мозг. Не понятно, что он мне сообщает через эти видения. Расценив все увиденное в качестве больничной работы Андрея Ивановича, я несколько успокоился. Вспомнить что-либо из своей прошлой жизни не оставалось надежды.

Через пару часов, хотя неуверен в точности определенного мной временного промежутка, в палату заглянул Михайлюк. Рядом с ним стояла стройная девушка с короткими рыжими волосами и с интересом меня разглядывала.

– Не спите? – спросил капитан Михайлюк. – Я специалиста к вам привел, как и обещал.

– Да, да, заходите, – поспешил ответить я и, может быть, слишком резко сел на кровати, потому что не смог удержаться и снова упал на подушку, – Прошу прощения, голова кружится...

– Ничего страшного, лежите. Я Инга Александровна, психиатр-гипнолог, – представилась спутница Егора.

В палату зашла Марина. В этот момент она напоминала не столько кошку, сколько фурию. Ее зеленые глаза метали молнии, одна из которых явно угодила в Егора, потому что он вдруг сгорбился и покрылся красными пятнами.

– Кто разрешил заходить к больному? Вы видите, в каком он состоянии? Андрей Иванович в курсе или это очередная самодеятельность? Мне и так уже влетело от него за вас. Давайте на выход!

Марина начала вытеснять моих посетителей из палаты с такой настойчивостью, что Михайлюк, казалось, готов был сдаться. Вид его был смешной и обескураженный. Впрочем, он сделал робкую попытку отстоять свое право на продолжение разговора со мной:

– Я вообще-то дело веду о похищении малолетнего и о двойном убийстве, так что мне разрешение на общение с подозреваемым не нужно. Я вообще могу его в СИЗО забрать, все основания для этого имеются...

– Ах, разрешение вам не нужно?! В СИЗО забрать?! Через мой труп! – заявила Марина и загородила меня от Егора своими хрупкими плечами.

Не знаю, чем бы все закончилось, но в палату заглянул Андрей Иванович. По его уставшему, но умиротворенному виду было понятно, что операция закончилась и весьма благополучно.

– Что тут происходит? – спросил он.

– Андрей Иванович, я своего психиатра привез, как договаривались. Дайте разрешение с подозреваемым поработать... А то у вас медсестра, как цербер...

Марину подбросило от таких слов. Она сжала маленькие кулачки и хмуро посмотрела на Егора.

– Может и цербер! Покусаю – мало не покажется! – сказала Марина почти шепотом.

Все происходящее было настолько комичным, что я не удержался и засмеялся. Следом за мной засмеялся Андрей Иванович, потом Егор и Инга. Марина тоже расслабилась и улыбнулась.

– Смейтесь, смейтесь, а наш больной, которого вы называете своим подозреваемым, сейчас отдыхать должен, – сказала она весьма добродушно.

Андрей Иванович о чем-то задумался на минуту, а потом объявил свое решение.

– Значит, так. Больного мы сегодня беспокоить не будем. Марина права. А вот завтра – милости просим. Кстати, на завтрашний день запланирована врачебная комиссия для Макса, так что, возможно, будет правильно, если ваш специалист поработает в компании своих коллег из нашего ведомства.

Егор кивнул головой. Завтра, так завтра. Один день погоды не сделает. Он подумал о том, что как раз сможет получить патологоанатомическое заключение по трупам, найденным сегодня. Кроме этого, наверное, уже готов ответ по экспертизе одежды Макса.

– Хорошо, я согласен, – сказал Егор и вышел, попрощавшись за руку с Андреем Ивановичем и незаметно посмотрев в сторону Марины.

С моего лица не сходила улыбка: видимо, стрела Амура сразила сердце капитана Егора Михайлюка. Марина вздохнула и тоже вышла из палаты. Мы с Андреем Ивановичем остались наедине. Он сел на край моей кровати и опустил голову. В какой-то момент мне даже показалось, что он задремал.

– Док?..

– Задумался, извини.

– Как там Василич?

– Тяжелый пока, но жить будет. Благодаря тебе, кстати. Рассказали мне о твоих подвигах... Знаешь, чем я поражен больше всего? Ты не перестаешь меня удивлять. Говоришь, что ничего не помнишь, а операцию провел, как настоящий профессионал. Да, этой манипуляции учат во всех медицинских институтах, но, поверь мне, сделать ее на ходу в машине «скорой» могут единицы. Не будь тебя там в тот момент – Василича бы уже поминали добрым словом. Я, конечно, злился, что ты меня послушался и из больницы ушел в таком состоянии, но сейчас понимаю – правильно ты поступил. Настоящий мужик. И хирург от бога... Даже, если никогда им не был. Отдыхай, набирайся сил, я сегодня домой пойду. Завтра новый день будет – завтра и подумаем обо всем. Может, гипнологи тебе помочь смогут.

Андрей Иванович пожал мне руку и вышел. В его рукопожатии не было формализма. Он мне явно симпатизировал. Я был этому очень рад, поскольку на всем белом свете сейчас у меня были только он, Василич и Тимур... Ну и еще Марина, конечно, которая так самоотверженно меня защищала перед следователем. Я в очередной раз улыбнулся и закрыл глаза. Сна не было совсем. Как рукой сняло. Я просто лежал и думал обо всем, что случилось со мной за последние дни. Чем тебе не триллер? А еще говорят, что в жизни такого не бывает...

ГЛАВА 11

Морг при звенигородском отделении полиции представлял собой маленькое помещение с выкрашенными белыми стенами и кафельным полом. В другое время тут было даже уютно, если этот термин вообще возможно применять к моргу, но сейчас... Криминальный мир будто взбесился последнее время. Холодильники были перегружены трупами с ножевыми ранениями, огнестрелами, проломленными черепами и прочими повреждениями, несовместимыми с жизнью. Часть тел было уложено ровными рядами вдоль этой самой белой стены.

Егору по службе приходилось здесь бывать довольно часто, но он никак не мог привыкнуть к этому неприятному месту. За столом, прямо в служебном помещении морга, сидел улыбочивый пухлый патологоанатом и пил чай с бубликами.

– Брр.. Степаныч! Ну, вот как ты можешь тут обедать?

– А что, мой друг Егор? Мертвые не кусаются. Я с ними даже разговариваю, чтоб с ума не сойти от скуки.

Степаныч подмигнул Егору и заговорщическим тоном спросил:

– Печенку жареную будешь? Недавно только пожарил – свежак. Вкусная, пальчики оближешь!

– Степаныч! Давай завязывай со своими шуточками и без тебя тошно. наших найденых вскрывал? Что там?

– Хорошо, товарищ начальник, больше не шучу! – громко засмеялся Степаныч и встал из-за стола. – Найденыхи твои оба мужчины, примерно одного возраста, лет пятидесяти. Смерть наступила около недели назад. Точнее сказать пока сложно, на гистологию только отправил материал, так что доверься моему наметанному глазу.

– Да доверяю я тебе, доверяю. Как смерть наступила?

– Смерть, как под копирку: и у одного, и у второго перерезано горло. Знаешь, как у баранов. Резал сильный человек. Причем, видно не первый раз. Уж слишком профессионально, одним движением.

– Хм... Профессионально, говоришь?

– Еще как. Или хирург, или маньяк – другого не дано.

Егор нахмурился. Он не мог выбросить из головы Макса и проведенную им операцию в «скорой». Все больше и больше фактов указывало на то, что с выбором подозреваемого он не ошибся, но что-то не сходилось.

– Личности не установил?

– Э, мой друг, не так-то это просто... Крысы трупы основательно погрызли. Пальчики я в базу загрузил, крутятся пока. Если совпадений не найдем, то тебе только рыть по сводкам. А это, сам понимаешь, дело не быстрое.

– Понял тебя. Степаныч, а одежду я тебе приносил на экспертизу, что с ней?

– С одеждой все просто. Она вся пропитана кровью одного из убитых и собственной кровью подозреваемого. Генетических следов второго убитого на ней нет.

– И что это может означать?

– Ты следователь – тебе и решать, что означает. Вариантов, по сути, всего два. Либо твой подозреваемый убивал первую жертву в другой одежде, что маловероятно, поскольку время смерти убитых, мне думается, не сильно отличается, либо...

– Не томи, Степаныч, договаривай!

– Либо, ошибся ты Егор, и подозреваемый твой никого не убивал. Оба трупа резала одна рука – это я тебе совершенно точно могу сказать.

– Понял тебя. Подумаю на досуге. Спасибо, Степаныч.

Егор повернулся и вышел из морга, в котором задерживаться дополнительно он не имел совершенно никакого желания. Он надеялся, что экспертиза поможет ему разобраться в этом нелегком расследовании, но все запуталось еще больше. На улице шел мелкий дождь. Егор

поскользнулся на ступеньке морга и чуть не упал. Буркнув себе какое-то ругательство под нос, он спешно удалился в сторону своего родного отделения.

Егор подошел к кабинету полковника Потапова и открыл дверь. Степан Петрович стоял у окна и, кажется, даже не заметил, как он вошел.

– Степан Петрович, добрый день, разрешите войти? – обратился к полковнику Михайлюк.

– Да, да, заходи, Егор, – как-то устало ответил Степан Петрович, продолжая смотреть в окно, – ты никогда не думал о том, почему добрый человек, как правило, бедный?

Егор не ожидал такого вопроса и растерянно молчал. Степан Петрович подозвал его к себе.

– Посмотри в окно и скажи мне, что ты видишь?

– Дождь... Люди под зонтами бегут куда-то. Старик возле тротуара милостыню просит, а все мимо проходят...

– А, если так?

Степан Петрович достал из кармана маленькое зеркальце и поставил перед Егором.

– Отражение свое... и вас немного... Семен Петрович, я не понимаю, к чему вы...

– Сейчас поймешь. Ты парень не глупый. Ответь только, чем окно от зеркала отличается?

– Ну как чем? Зеркало не прозрачное, на нем пленка есть... из серебра кажется...

– Вот-вот... Какая-то крошка серебра делает нас зацикленными только на себе. Может прав бог, что тем, кого любит, богатство не посылает, а? Ладно, забудь. Хандра осенняя напала. Ты с чем ко мне? Новости есть?

– Да. Новости, – ответил Егор и рассказал все, что удалось узнать.

Степан Петрович был обеспокоен не меньше Егора. Ситуация усугублялась тем, что на запрос о дактилоскопии Говорова, с которой просил посодействовать Егор, пришел неутешительный ответ, в котором сообщалось, что весь архив по заключенным в Можайске сгорел пять лет назад. Часть данных успели загрузить в базу, но некоторые сведения безвозвратно утеряны, в том числе, сведения о Говорове.

– Слушай, Егор, давай поступим следующим образом. Разошли во все больницы нашего и соседних районов запросы о медицинском персонале, в первую очередь, о хирургах. Может, кто срочно уволился, пропал, уехал и так далее. Больше зацепиться нам все равно пока не за что.

– Сделаю, товарищ полковник. Спасибо за совет. Разрешите идти?

– Иди. Держи меня в курсе.

Егор вышел на улицу и надел капюшон. Мерзкий дождь. Капитан Михайлюк пошел по дороге в сторону своей остановки и вдруг понял, что проходит мимо того самого нищего, за которым наблюдал из кабинета Семена Петровича. Ему вдруг стало безумно стыдно за себя и окружающих, которые монотонно бежали по лужам осеннего города. Егор порылся в кармане, нашел какую-то мелочь, подумал и высыпал ее обратно. Потом открыл кошелек и достал оттуда пятьсот рублей.

– Держи, дедуль, – сказал Егор, протягивая купюру старику.

Старик поднял глаза и заплакал. Трясущейся рукой он взял деньги и перекрестил Егора.

– Дай бог тебе здоровья, хороший человек... Пенсия четыре тысячи, старуха моя болеет, разве прожить... – проговорил он, как бы оправдываясь.

Егор не знал, что ответить. Он нахмурился своим мыслям о голодных стариках и больных детях, которые умирают, потому что не имеют этих проклятых бумажек с нарисованными нулями.

– Спасибо вам, – сказал Егор старику и пошел прочь.

– Да мне-то за что? – почти шепотом спросил старик, задыхаясь от волнения.

– За жизнь, – коротко ответил Егор.

Он поднял глаза на окно Степана Петровича. Полковник Потапов все также задумчиво стоял у окна.

– И вам, Степан Петрович, спасибо, – сказал одними губами Егор.

Он понял, какую науку сегодня преподавал ему его учитель, друг его отца, так рано ушедшего из этой нелегкой жизни.

ГЛАВА 12

Егор не стал дожидаться свою маршрутку и пошел домой пешком. Нужно было обдумать все, что ему стало известно, разложить по полочкам в своей голове. Однако, то одна, то другая деталь постоянно сползала с этих самых полок, разбивая вдребезги все возможные версии капитана Михайлюка. Кажется, что дождь, наконец, закончился. Или нет. Егору сейчас было плевать на погоду. Макс... Чувство подсказывало Михайлюку, что этот человек не может быть хладнокровным убийцей. Или это игра на публику отличного психолога, который сейчас пытается запутать следствие? Нет, бред. Он не играл на свалке и по дороге в больницу, когда мастерски провел операцию Василичу. В то же время, первая жертва Говорова – его отчим, которому он, будучи подростком, хладнокровно перерезал горло. Этот почерк явно прослеживался и в убийстве еще двух человек, которых обнаружили на свалке. Макс мог промолчать про них и вряд ли кто-то нашел бы их в обозримом будущем. Но Максу это было выгодно. Он должен был предоставить оправдание следам чужой крови на своей одежде... Все запуталось окончательно. А потом, тот похищенный мальчик – Макс его вспомнил, Егор это сразу заметил. То есть получается, что он фактически признал знакомство с ним. Если наложить сюда показания свидетелей, по словам которых был составлен фоторобот преступника, увозившего ребенка от школы на сером джипе, то его причастность к похищению становится практически стопроцентной. Еще одно странное совпадение лежало на самой поверхности. Подозреваемый представился Максом. Человека на фотороботе идентифицировали с Максимом Говоровым. Все сходится...

Егор не заметил, как подошел к своему подъезду, привычно открыл входную дверь, поднялся по лестнице на третий этаж и позвонил. Знакомая трель разлилась в коридоре квартиры по ту сторону двери. Через секунду послышались торопливые шаги, и дверь открылась. На пороге стояла женщина лет шестидесяти с приятными чертами лица и неброским макияжем. Это была мать Егора. Он посмотрел на нее и заметил новые морщинки, которые нисколько не портили ее внешность, но прямо указывали на ее возраст.

– Заходи, Егорушка. Что-то ты долго сегодня, я уже волноваться начала. Мой руки, ужин остывает.

Егор нежно поцеловал ее в щеку и прижал к себе.

– Мам, я так тебя люблю, – устало проговорил он и зашел в ванную.

Мать обеспокоенно посмотрела на сына, но решила сейчас ни о чем его не расспрашивать и отправилась накрывать на стол. Егор очень сильно напоминал ей о ее покойном муже, майоре полиции, убитом во время командировки в одну из горячих точек. Выбор профессии сына был предопределен им самим еще в раннем детстве. Егор гордился своим отцом и во всем старался подражать ему. Мать, конечно, боялась, что он повторит судьбу своего отца, но не противилась и не отговаривала сына. Сегодня какое-то предчувствие больно кольнуло ей в сердце при встрече с Егором.

– Егор, что случилось? Ты сам не свой сегодня, – спросила Людмила Константиновна.

– Да все нормально, – коротко ответил Егор, который еще не решил, стоит ли делиться с матерью своими мыслями.

– Расскажи мне, пожалуйста. Я может помочь не смогу, но тебе самому легче станет, когда вслух все проговоришь.

Егор молчал. Он проговаривал все вслух сегодня в кабинете Степана Петровича и легче ему не стало. Сомнения раздирали его на части. Егор, кажется, не хотел верить в виновность Макса, но факты говорили сами за себя.

– Мам, а как бы поступил отец, если у него был бы явный подозреваемый по делу, но он сам чувствовал, что человек не виновен?

Мать внимательно посмотрела на сына и еще раз подумала о том, как сильно он похож на отца не только внешне, но и складом мышления, неуверенностью и желанием защитить весь мир от грязи и смрада.

– Отец всегда поступал по совести. Знаешь, как он говорил? Если есть хоть маленькое сомнение в виновности человека, нужно его обрабатывать, приложив все возможные силы. Осудить невиновного – легче и страшнее, чем не осудить виноватого.

Егор снова задумался. В его душе происходила борьба молодого, амбициозного следователя и честного человека, воспитанного в традициях советского времени. Он снова поцеловал мать и ушел в свою комнату: нужно было выспаться, завтра тяжелый день. Завтра многое может стать явным.

ГЛАВА 13

Было еще темно, когда я проснулся в своей, уже родной мне, больничной кровати. Лежать не было сил. Все мои мысли занимало состояние здоровья Василича. Я тихо приоткрыл дверь и осторожно выглянул в коридор. На стуле рядом с палатой дремал пожилой охранник, сменивший молодого, с которым мы вместе ездили вчера на свалку. На посту при скудном освещении настольной лампы разбирала истории болезни «ночная фея» Елена Сергеевна. Заводить с ней разговор не хотелось, и я вернулся к себе. Мое заключение начинало сводить меня с ума. Я бесцельно бродил из угла в угол и, кажется, изучил всю палату так, что мог бы с закрытыми глазами точно указывать на все ее изъяны. За окном было настолько темно, что ничего, кроме смутных очертаний деревьев и крыш частного сектора разглядеть не получалось. Однако тонкий природный слух уловил возле стены больницы какую-то возню и шепот. Я интуитивно отошел в сторону и, как оказалось потом, в самое нужное время, потому что окно в моей палате разлетелось вдребезги от увесистого булыжника, брошенного с улицы.

Я стоял на месте не в силах сделать хотя бы шаг. Топот на улице сообщил о том, что ночные дебоширы покинули место своего преступления. Впрочем, преступлением это можно было бы считать, если камень угодил бы в мою больную многострадальную голову, а так... мелкая пакость. В палату забежал всполошенный охранник, усы которого, кажется, проживали самостоятельную жизнь, поскольку шевелились сами по себе. Это было странно и несколько комично. Я подумал об этом мельком, всего на секунду, так как другие вопросы в настоящий момент были куда более актуальными.

– Тьфу! – выругался охранник, – Ну почему в мою смену-то? Эх... Пора увольняться, старый я уже стал для таких приключений...

Не прекращая пустое бормотание себе под нос, он включил свет в палате и подошел сначала к окну, посмотрел через дыру в нем на улицу, потом обратился ко мне:

– Видел кого?

– Нет, слышал только. Двоих. Голоса, а потом, как убегали куда-то вправо.

– Да ну? Эх ты! – с иронией и чуть недоверчиво спросил он. – Прямо таки двое? Ничего не перепутал с больной головы-то, а?

– Слух у меня хороший. Уверен, – твердо ответил я.

Охранник посмотрел на меня, как мне показалось, несколько лукаво и без злобы. В глазах читалось только разочарование от прерванного сна. Он наклонился к булыжнику, про который на какое-то время все забыли, поднял его с пола и поменялся в лице. Его лукавство смени-

лось обеспокоенностью и растерянностью. Камень был завернут в лист бумаги, вырванный из обычной тетради в клетку, на котором было что-то написано.

– Что там? – поинтересовался я, заглядывая ему через плечо.

Усы охранника снова зашевелились. Он, молча, протянул мне мятый листок. Красным маркером на нем было написано единственное слово – «убийца». Я стоял с этим листком и перечитывал его снова и снова. Меня не покидала мысль о том, что слухи о моей преступной причастности распространились за пределы больницы уж слишком быстро. Я понимал, что это было только начало, что срочно нужно как-то вспомнить свою прошлую жизнь, но не знал как. Собственное бессилие и очередное сомнение в том, что я «хороший человек», не давали мне покоя.

В палате появилась внушительная фигура Елены Сергеевны, которую я, впрочем, заметил не сразу. По ее поведению было понятно, что Андрей Иванович сдержал свое слово и поговорил с ней. Она не высказывала в мой адрес открытой агрессии, но появилось что-то другое. Сложно объяснить в двух словах, но максимально точное определение – это полнейшее игнорирование моей персоны. Ну что ж. Пусть так. В конце концов, она не обязана ко мне хорошо относиться только лишь по тому, что кто-то очень упорно пытается, если не убить меня, то изувечить. «Ночная фея» осмотрела окно, заткнула дыру какой-то тряпкой и, ни к кому не обращаясь, сказала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.